

УДК 343.8

С.В. Чубраков

**ПАРАМЕТРЫ ОДНОРОДНОСТИ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Статья посвящена проблеме границ предмета уголовно-исполнительного правового регулирования. Рассматриваются такие параметры (признаки) однородности отношений в области исполнения мер уголовной ответственности, как субъектный состав, характер и период существования. Выявление содержательного наполнения данных параметров способно максимально полно очертить пределы оптимального действия уголовно-исполнительных предписаний.

Ключевые слова: предмет уголовно-исполнительного права, уголовно-исполнительные отношения, уголовно-исполнительное регулирование.

Проблема круга отношений, составляющих предмет уголовно-исполнительного регулирования, является значимой в современной юридической литературе, поскольку отсутствие определенности в их границах препятствует полноценному анализу нормативных предписаний в области реализации мер уголовной ответственности, а также обостряет вопрос о самостоятельности уголовно-исполнительного права [1. С. 7, 285–287].

Один из путей решения отмеченной проблемы – установление параметров (признаков) однородности данных отношений. «Вспомогательный» характер уголовно-исполнительной политики (по отношению к уголовно-правовой) и ее материализации – уголовно-исполнительного права – позволяет говорить, что в качестве общих параметров однородности уголовно-исполнительных отношений могут быть субъекты, период существования, а также их характер.

Применительно к первому из обозначенных параметров следует отметить, что значительная часть «ненужных» для уголовно-исполнительного регулирования отношений может быть исключена за счет указания на их субъектный состав. Вместе с тем в современной уголовно-исполнительной литературе единой и общепризнанной концепции по поводу их конкретного перечня нет. Классическое понимание субъектов уголовно-исполнительного права сводится к осужденному и государству (в лице его органов, учреждений и должностных лиц). На то, что отношения между данными субъектами являются сердцевиной предмета отмеченной отрасли права, в юридической литературе указывалось неоднократно [2. С. 9–10]. Но могут ли иные лица претендовать на статус субъектов уголовно-исполнительных отношений? Если могут, то кто конкретно? Этот вопрос пока остается открытым.

Как представляется, решение этой проблемы может быть двояким: либо путем обоснования необходимости и возможности отнесения к субъектам наряду с осужденным и государством иных участников; либо путем обосно-

вания необходимости исключения из их круга всех, кроме общепризнанных субъектов в виде осужденного и государства.

Первый путь, по нашему мнению, неперспективен в силу отсутствия объективных критериев объединения в рамках уголовно-исполнительных отношений каких-либо лиц, помимо осужденного и государства. Поэтому более обоснованным нам видится второй путь, проистекающий из того, что функции по назначению и исполнению мер уголовной ответственности в традиционном варианте возлагаются от имени общества на государство (в лице уполномоченных органов, учреждений и должностных лиц), а сами эти меры применяются к виновным (осужденным).

Утверждаемый «узкий» субъектный состав предмета правового регулирования в области реализации мер уголовной ответственности порождает вопрос: является ли он абсолютным правилом, либо могут иметься и исключения, констатирующие наличие уголовно-исполнительных отношений там, где субъектами регулируемого поведения выступают иные лица?

Если обратиться к УИК РФ как основному источнику данной отрасли права, то он предполагает возможность наличия исключений, поскольку в нем есть предписания, регулирующие, помимо отношений между указанными выше субъектами, также отношения, субъектами которых выступают, например, общественные объединения (в том числе общественные наблюдательные комиссии) и государство либо осужденный (ст. 23 УИК РФ); администрация предприятий, учреждений, организаций и государство либо осужденный (прежде всего при исполнении наказаний в виде обязательных и исправительных работ, например ст. 28, 34 УИК РФ); а также государство (в лице его органов, учреждений и должностных лиц) и само же государство (в лице других его органов, учреждений и должностных лиц) (ст. 19–22 УИК РФ).

Однако считать, что УИК РФ безупречен в части определения конкретных случаев исключений, по нашему мнению, нельзя. Ведь им предусмотрено и правовое регулирование отношений, которые очевидно не имеют и не могут иметь уголовно-исполнительной природы, поскольку подпадают в основном под признаки административно-правовых. Это касается, например, правовой регламентации осуществления контроля (как ведомственного, так и вневедомственного) за органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы (ст. 19–23 УИК РФ).

Сложнее обстоит дело с ситуациями, когда субъектный состав отношений не соответствует вышеизложенным требованиям по той причине, что в определенной части государство делегирует полномочия по реализации мер уголовной ответственности иным лицам, например администрациям организаций, где осужденные отбывают обязательные и исправительные работы, а также администрациям организаций, в которых работают осужденные к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Совершенно очевидно, что подобные решения вызваны некой целесообразной экономией государственных ресурсов. В принципе можно обойтись и без такого делегирования как минимум в случаях, когда речь идет о реализации карательных ограничений определенных наказаний (например, возложив все те обязанности, которые предписаны администра-

циям организаций, в которых трудятся осужденные к обязательным и исправительным работам, на уголовно-исполнительные инспекции либо на самих осужденных). Представляется, что данные ситуации являются в настоящее время единственными очевидными исключениями из общего правила об «узком» круге субъектов уголовно-исполнительных отношений.

Это, в свою очередь, не снимает необходимости обоснования правомочности подобного делегирования, его содержания и условий, которые должны соблюдаться при таких действиях. Говоря о последних, полагаем, что основным среди них является учет при закреплении подобных правил поведения в нормативно-правовых актах возможности их обеспечения негативными последствиями за их неисполнение (в виде принуждения к исполнению данных обязанностей и (или) ответственности). В качестве примера несоблюдения данного требования можно привести ч. 1 ст. 28 УИК РФ, согласно которой на администрации организаций, где осужденные отбывают обязательные работы, возлагаются обязанности по контролю за выполнением осужденными определенных для них работ, по уведомлению уголовно-исполнительных инспекций о количестве проработанных часов или об уклонении осужденных от отбывания наказания. Все они не имеют обеспечительных предписаний, которые устанавливали бы принуждение к их исполнению и (или) ответственность за их неисполнение. На практике это ведет к повсеместному и безнаказанному игнорированию требований ч. 1 ст. 28 УИК РФ администрациями организаций, в которых осужденные отбывают обязательные работы.

Таким образом, абсолютизировать «узкий» подход к субъектному составу уголовно-исполнительных отношений вряд ли возможно, в том числе в силу «выпадения» из сферы уголовно-исполнительного регулирования, помимо чуждых отношений, также и объективно требуемого в данный момент поведения. Это предполагает установление определенных исключений и четких условий их применения. Причем на статус единственного явного исключения, по нашему мнению, способны претендовать описанные выше случаи передачи ряда полномочий по исполнению мер уголовной ответственности со стороны государства иным лицам.

Еще одним параметром, позволяющим отграничить целый комплекс отношений, которые не должны регулироваться уголовно-исполнительными предписаниями, от входящих в предмет правового регулирования, может выступать время существования этих отношений. Если уголовно-исполнительные предписания призваны регламентировать реализацию мер уголовной ответственности, то и существовать отношения, которые регулируются ими, должны, по общему правилу, в границах данного периода.

Соответственно, начальным моментом этих отношений должно быть вступление в законную силу обвинительного приговора суда первой инстанции либо изменяющего, отменяющего приговор постановления, определения суда вышестоящей инстанции (по-иному – обвинительного решения суда), ибо до этого исполнять меру уголовной ответственности нельзя. В связи с этим правовой статус осужденного в уголовно-исполнительном праве также возникает именно с этого момента. Следует обратить внимание на то, что уголовно-исполнительное законодательство не содержит определения понятия «осужденный». Лишь толкование ряда норм УИК РФ (например, ст. 7, 75,

185, 189 и др.) позволяет говорить, что статус осужденного возникает с момента вступления обвинительного приговора (либо постановления, определения) суда в законную силу. Вместе с тем, поскольку фигура осужденного является субъектом отношений, регулируемых и иными отраслями права, то по поводу начала возникновения такого статуса имеется и иная позиция, согласно которой осужденным следует считать лицо с момента провозглашения в отношении его обвинительного приговора (ст. 354 УПК РФ, п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 11 января 2007 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», а также прежде (до конца 2003 г.) действующая редакция ст. 2 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» № 103-ФЗ от 21 июня 1995 г.).

Конечным же моментом существования отношений, подлежащих регулированию уголовно-исполнительными предписаниями, будет, по общему правилу, отбытие, исполнение меры уголовной ответственности. Если уголовная ответственность реализована в форме наказания, то, помимо ясных случаев отбытия или исполнения (например, связанных с уплатой назначенной суммы штрафа или с отработкой предписанного количества обязательных работ), к этому моменту следует относить также ситуации безусловного освобождения от отбывания наказания по различным основаниям (кроме случаев, когда назначение и освобождение происходит одновременно, то есть одним решением, как, например, при освобождении от наказания в связи с изменением обстановки по основаниям, предусмотренным ст. 80.1 УК РФ). Если же уголовная ответственность реализована в форме иных мер уголовно-правового характера, то конечным моментом существования уголовно-исполнительных отношений следует считать момент истечения либо испытательного срока (при условном осуждении), либо срока отсрочки (при отсрочке, предоставленной беременной женщине, женщине, имеющей малолетних детей, и мужчине, являющемуся единственным родителем, а также при отсрочке, предоставляемой больным наркоманией), либо срока условно-досрочного освобождения. Если одна мера уголовной ответственности заменяется другой, в том числе и в иной форме (например, при условно-досрочном освобождении), то моментом окончания существования уголовно-исполнительных отношений будет момент окончания реализации замененной меры.

Следующий параметр однородности уголовно-исполнительных отношений, связанный с их характером, обычно именуется в литературе «по поводу исполнения (или в связи с исполнением) мер уголовной ответственности» [3. С. 24–25; 4. С. 11–13, и др.]. Представляется все же, что такого указания не достаточно. Подобная общая формулировка может быть взята за основу лишь при существенной ее детализации. Для ее удобства данный параметр можно разделить на две части – качественную и количественную. Первая должна предопределять сущностные (внутренние) признаки (свойства), которые позволяют считать какие-то отношения схожими (тождественными), а вторая – указывать на конкретный перечень таких отношений, привязываясь к чему-либо точно исчисляемому.

Говоря о качественной характеристике отмеченного параметра, нужно прежде всего найти объективные основания для уточнения указанной выше

его общей формулировки – «по поводу исполнения (или в связи с исполнением) мер уголовной ответственности», поскольку в таком варианте ему может соответствовать значительное количество разнообразных отношений, в том числе и не являющихся со всей очевидностью уголовно-исполнительными.

Если коснуться количественной характеристики данного параметра, то в первую очередь должен быть решен вопрос о конкретном перечне мер уголовной ответственности, которые должны входить в предмет уголовно-исполнительного регулирования. Наиболее ярко эта проблема проявилась в ходе законодательной работы над проектом УИК РФ, когда фактически ни один из представленных для обсуждения проектов нормативных актов в сфере исполнения мер уголовной ответственности не имел повторения в части количества регулируемых ими мер уголовной ответственности [5–9 и др.].

Обратимся сначала к поиску уточнений качественной стороны параметра однородности, относящегося к характеру отношений, которые должны подвергаться правовой регламентации именно уголовно-исполнительными предписаниями. Здесь следует отметить, что вопрос об отнесении определенных отношений к предмету правового регулирования в сфере исполнения мер уголовной ответственности (и уголовно-исполнительного права) может иметь потенциально вариативный характер, зависящий в том числе от целей, которые могут быть поставлены перед подобным объединением отношений.

Если в качестве цели рассматривать применение к ним схожих правил регулирования, то объективные основания качественного своеобразия круга уголовно-исполнительных отношений во многом «привязаны» опять же к месту и содержанию уголовно-исполнительной политики. Ведь именно она предопределяет развитие определенной отрасли. Кроме того, она большей частью материализуется в праве. Вместе с тем вопрос о месте, содержании и роли уголовно-исполнительной политики традиционно является одним из наиболее дискуссионных в юридической литературе. Не вдаваясь в подробности анализа существующих позиций по этому поводу [10. С. 8–11; 11. С. 105–115; 12. С. 3–28, и др.], согласимся с авторами, которые считают, что уголовно-исполнительная политика, представляя собой деятельность государства по фактическому исполнению мер уголовной ответственности (наказаний и иных мер уголовно-правового характера), не имеет абсолютно самостоятельного характера, поскольку наряду с уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политикой составляет содержание уголовной политики (которую можно определить как деятельность государства по борьбе с преступностью с помощью средств уголовной репрессии), последовательно входя в политику в области борьбы с преступностью и в социальную политику государства [2. С. 7–9].

Из отмеченного содержания уголовно-исполнительной политики следует, что правовому регулированию в этой сфере должны подлежать те отношения, которые складываются в процессе ее осуществления. Таким образом, в предмет правового регулирования в данной области должны входить отношения, существующие в процессе фактического исполнения мер уголовной ответственности, а более точно – отношения по реализации (воплощению в жизнь) элементов, составляющих содержание назначенных мер уголовной ответственности.

Поскольку основной формой реализации уголовной ответственности является наказание, то, соответственно, это должны быть отношения по воплощению в жизнь составляющих содержание наказания карательных элементов (то есть конкретных лишений и правоограничений). Но остается вопрос о том, какие отношения должны регулироваться при реализации уголовной ответственности не в форме наказаний, а в форме иных мер уголовно-правового характера. Это будет зависеть от того, какие элементы составляют содержание уголовной ответственности при ее реализации в подобной форме, и от того, каков круг этих мер (ведь только их конкретный перечень будет позволять выявить содержание каждой из них). Примыкая к так называемому «узкому подходу» по данной проблеме, рассматриваемому в качестве таких мер не все те, которые перечислены в УК РФ, а лишь те, которые отвечают признакам уголовной ответственности [13], и придерживаясь его следствия, что подобных мер всего три (условное осуждение, отсрочка отбывания наказания и условно-досрочное освобождение), можно утверждать, что содержание данных мер будут составлять такие элементы, как исправительные (воспитательные) либо предупредительные меры (меры безопасности). В частности, к их числу могут быть отнесены обязанности, возлагаемые на условно осужденных, условно-досрочно освобожденных и лиц, которым предоставляется отсрочка отбывания наказания (например, не совершать определенных правонарушений, не посещать определенных мест, трудоустроиться и т.п.). В итоге отношения, которые должны подпадать под уголовно-исполнительное регулирование, в данной части будут сводиться к отношениям по реализации некарательных исправительных либо предупредительных мер, составляющих содержание указанных мер уголовно-правового характера.

Таким образом, при правовой регламентации исполнения мер уголовной ответственности предмет правового упорядочения должны составлять отношения по реализации карательных лишений и правоограничений существующих видов уголовных наказаний, а также отношения по реализации некарательных исправительных либо предупредительных мер существующих видов иных мер уголовно-правового характера.

Актуален в этой части также вопрос: должны ли подпадать под уголовно-исполнительное регулирование отношения, которые возникают при исполнении ряда наказаний, когда карательные элементы наказания соединяются с иными мерами исправительного либо предупредительного характера (иногда совместно именуемыми как меры воспитательно-предупредительного характера [2. С. 13–14, и др.]?) В первую очередь это касается таких применяемых ныне наказаний, как лишение свободы, обязательные и исправительные работы. Необходимость такого соединения проистекает опять же из того, что уголовно-исполнительная политика – составная часть социальной политики, в результате чего первая вовсе не всегда сводится исключительно к исполнению наказаний в его собственном (узком) значении (то есть к реализации составляющих содержание наказаний карательных лишений и правоограничений) [2. С. 13]. При этом соединение карательных элементов и некарательных исправительных мер в данных наказаниях имеет неодинаковый характер. Например, ситуация с трудом. Если лишение свободы может реализовываться и без соединения его карательных лишений и правоограничений с отмеченной

исправительной мерой, то реализация обязательных и исправительных работ без труда невозможна, ведь труд, не являясь сам по себе карой, выступает средством, на котором «материализуются» карательные правоограничения и лишения, составляющие содержание данных наказаний (в праве на оплату труда, в праве на свободу самоопределения и т.д.). В последнем случае правовое упорядочение отношений по реализации карательных лишений и правоограничений наказаний в виде обязательных и исправительных работ одновременно будет влечь и необходимость упорядочения (по крайней мере в необходимой части) также и отношений по выполнению труда. Это, в свою очередь, порождает проблему объема такого правового вмешательства (все ли надо регламентировать заново, либо можно субсидиарно применять ряд положений трудового законодательства и т.д.). На примере лишения свободы можно проследить также аналогичную «жесткую» связь карательных элементов и предупредительных мер (обысков, запретов иметь определенные предметы и т.п.).

Различные варианты соединения кары, с одной стороны, и исправительных мер с предупредительными мерами – с другой, позволяют сформулировать и разные правила отнесения отношений по их реализации к предмету уголовно-исполнительного регулирования. При «неразрывном» соединении исправительных мер с карательными элементами наказания отношения по их реализации также должны составлять предмет правового регулирования в сфере исполнения мер уголовной ответственности. В части необходимости правового упорядочения тех мер некарательного исправительного либо предупредительного характера, которые связываются с карательными элементами наказания не «жестко», а факультативно, вопрос весьма неоднозначен. По нашему мнению, он должен решаться положительно лишь в случаях, когда отношения по применению данных мер будут отличаться от отношений, возникающих при их реализации в обычной жизни.

Количественная сторона параметра однородности, относящегося к характеру уголовно-исполнительных отношений, прежде всего детерминирована конкретными видами мер уголовной ответственности (то есть видами наказаний и иных мер уголовно-правового характера). Если в части наказаний этот вопрос предрешен законодателем (ст. 44 УК РФ), то в части иных мер уголовно-правового характера, как отмечалось выше, он до сих пор является дискуссионным. Мы считаем необходимым придерживаться «узкого подхода», относящего к последним не все существующие в УК РФ меры, а только те, которые являются формой реализации уголовной ответственности (условное осуждение, отсрочку от отбывания наказания и условно-досрочное освобождение).

Таким образом, при определении предмета уголовно-исполнительного регулирования необходимо исходить из отнесения к нему отношений, существующих между осужденным и государством в период с момента вступления обвинительного решения суда в законную силу и до момента реализации назначенной меры уголовной ответственности, по фактическому исполнению мер уголовной ответственности, а именно по реализации карательных элементов (лишений, правоограничений) наказаний, а также некарательных исправительных мер и мер безопасности, которые либо составляют содержание

иных мер уголовно-правового характера, либо соединяются с карательными элементами наказаний. При этом конкретное количество отношений, составляющих предмет правового регулирования в сфере исполнения мер уголовной ответственности, должно быть предопределено в первую очередь существующими видами мер уголовной ответственности, реализуемыми в форме наказаний либо иных мер уголовно-правового характера.

Все вышеизложенное позволяет более точно определить пределы уголовно-исполнительного регулирования, отрицательно отвечая на вопросы о возможности расширения его предмета за счет включения, например, отношений по постпенитенциарному контролю и т.п., хотя и не снимет всех сложных и требующих самостоятельного исследования вопросов смешения предметов различных правовых отраслей (прежде всего уголовно-исполнительного, уголовного, уголовно-процессуального и трудового права).

Литература

1. Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2007. 335 с.
2. Уткин В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву: Общая часть. Томск, 1995. 91 с.
3. Уголовно-исполнительное право: учеб. для вузов / под ред. А.С. Михлина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2008. 422 с.
4. Бриллиантов А.В., Курганов С.И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учеб. М.: ТК Велби: Проспект, 2007. 344 с.
5. Зубков А.И., Селиверстов В.И. Основы уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик. Альтернативный проект. Рязань, 1990. 43 с.
6. Основы уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик. Проект // Проблемы уголовно-исполнительного законодательства в свете правовой реформы: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. С. 93–119.
7. Уголовно-исполнительный кодекс РСФСР. Проект, подготовленный по поручению комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству авторским коллективом под руководством А.Ф. Бира. Машинописный вариант. М., 1991. 86 с.
8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Проект // Реформа уголовно-исполнительной системы и ее правовое обеспечение: сб. науч. тр. М.: НИИ МВД РФ, 1993. С. 78–125.
9. Исправительно-трудовой (уголовно-исполнительный кодекс) Российской Федерации. Проект, подготовленный авторским коллективом под руководством В.А. Уткина. Машинописный вариант. Томск, 1992. 264 с.
10. Валеев М.Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации / под ред. В.А. Уткина. Томск: Изд-во НТЛ, 2006. 168 с.
11. Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее. М.: Юрлитинформ, 2011. 264 с.
12. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 608 с.
13. Уткин В.А. «Иные меры уголовно-правового характера» и предмет уголовно-исполнительного права // Проблемы и перспективы современной системы мер уголовной ответственности. Томск: ДиВо, 2008. С. 24–28.